

Альманах-2018

Воды бесценный дар

Елена Долгополова

Воды бесценный дар

«Издательские решения»

Долгополова Е. П.

Воды бесценный дар / Е. П. Долгополова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501060-5

Когда человек переходит красную черту, природа отвечает бедствием, порой таким, которое приносит непоправимые последствия. Такова судьба Аральского моря! Обращение творческих людей к теме Арала — это еще одна возможность привлечь внимание общественности к экологии региона, дать еще один повод человеку остановиться в своей деятельности и подумать над важностью сохранения гармонии в природе.

ISBN 978-5-00-501060-5

© Долгополова Е. П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Ангел СИНЕКРЫЛЫЙ	7
Рассказы конкурсантов	8
Бах АХМЕДОВ	9
Фатима ДЖАЛАЛОВА	16
Анита ЭЛИВ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Воды бесценный дар

Редактор Елена Петровна Долгополова

Иллюстратор Марат Ялышев

Иллюстратор Надежда Юрьевна Милашевич

Иллюстратор Галина Долгая

© Марат Ялышев, иллюстрации, 2026

© Надежда Юрьевна Милашевич, иллюстрации, 2026

© Галина Долгая, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0050-1060-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов по итогам конкурса

«ВОДЫ БЕСЦЕННЫЙ ДАР»

Составители:

Владимир Васильев – писатель, член Союза писателей Узбекистана, председатель Совета по русской литературе СП Узбекистана,

Елена Долгополова – редактор журнала «Звезда Востока», кандидат филологических наук,

Галина Долгая – писатель, член Международной гильдии писателей.

Предисловие

В июне 2018 года инициативной группой писателей Совета по русской литературе при Союзе писателей Узбекистана был организован конкурс рассказов «Воды бесценный дар». Конкурс был посвящен актуальной теме, волнующей не только жителей Узбекистана, но и всего мирового сообщества, а именно – трагедии Аральского моря, обмелевшего на глазах одного поколения на девяносто процентов.

Организаторы конкурса поставили целью привлечь внимание общественности к экологической проблеме Приаралья через освещение ее в литературных произведениях.

По окончании конкурса можно сказать, что поставленная цель достигнута! Несмотря на то, что тема является непростой, участники конкурса создали удивительно проникновенные рассказы, сумев достучаться до сердец сотен читателей, следивших за прохождением конкурса.

В представленном Альманахе опубликованы лучшие работы. Среди них рассказы лауреатов конкурса:

Первое место в основной номинации – Бах Ахмедов «Китовый блюз»;

Первое место в основной номинации – Рахшона Ахмедова «Орзулар денгизи»;

Второе место в основной номинации, победитель в номинации «Приз читательских симпатий» – Фатима Джалалова «Сильные духом»;

Третье место в основной номинации – Анита Элив «Другая планета»;

Авторы разного возраста и рода занятий раскрыли тему в рассказах нескольких жанров: сказках, историях, основанных на реальных событиях, фантастических рассказах, эссе и очерках, в которых поделились бесценными воспоминаниями о жизни замечательных людей и интересными фактами об Аральском море. Обладая различным опытом литературной деятельности, они создали интересные сюжеты, нашли нужные слова, дав повод еще и еще раз задуматься над хрупким равновесием природы и деятельности человека в обеспечении своих нужд.

«Арал, как увеличительное стекло, помогает нам всем понять, чего мы стоим». (А. Кучерова, «Родительский дом»). И это, действительно, так! Сегодня еще можно услышать плеск последних волн Арала, но вместо безграничной голубой акватории моря, сливающейся на горизонте с таким же небом, мы видим фантастические замки из песка и глины на его дне, покрытом токсичными солями, ржавые корабли Муйнака, «утонувшие» в песке, мертвые ракушки в корнях саксаула, людей, лишившихся работы и здоровья. Вернуть море людям вряд ли под силу, но остановить разрастание новой пустыни на дне бывшего моря, создать комфортные условия для жизни и работы жителей Приаралья возможно, если ценить самое главное благо, дарованное нам природой – воду.

Несколько рассказов в альманахе принадлежат перу членов судейской коллегии конкурса, которые также осветили актуальную тему в своих работах.

Желаем приятного чтения и надеемся, что альманах по итогам конкурса рассказов станет доброй традицией в дальнейшей литературной жизни Узбекистана!

*Галина Долгая, писатель, член Международной гильдии писателей,
координатор конкурса*

Ангел СИНЕКРЫЛЫЙ

*Всем участникам и организаторам литературного конкурса
«Воды бесценный дар»*

Он летит над бескрайней пустыней,
Где плескалось Аральское море.
Оттого крылья Ангела сини,
И в глазах неизбывное горе.

У него чаша с пресной водою.
Он летит, зноем лет опаленный.
Воду он окропляет слезою,
И в пути она станет соленой.

Ангел плачет, поскольку не в силах
Дно иссохшее влагой заполнить.
У кусточков колючих и хилых
Поручение божье исполнить.

У него островерхая шапка,
Крылья поверх простого халата,
Скулы мальчика-каракалпака —
Ангел сам здесь родился когда-то.

Позабудет ли море обиды
На людей – верить лишь остается! —
И, подвинув суровые плиты,
В берега свои утром вернется.

*Раим Фархади, писатель, поэт, член Союза писателей
Узбекистана, член судейской коллегии конкурса*

Рассказы конкурсантов

Бах АХМЕДОВ КИТОВЫЙ БЛЮЗ

*Кит плыл.
Город молчал.
Наступал вечер.*

Наталья Белоедова

Кит плыл...

По улице плыл кит. Он был старый, краска во многих местах выцвела, а стершийся левый глаз был заново нарисован черным фломастером. Прохожие оглядывались на мальчика с китом под мышкой, некоторые улыбались. Кит был большим, как и полагается киту. Мальчик очень гордился им и почти всегда брал с собой, когда выходил из дому.

Каждое утро, перед тем как сесть завтракать, мальчик надувал кита. Шестнадцать вдохов полной грудью и столько же выдохов – ритуал, к которому он привык за то время, что у него была эта болезнь. Впрочем, два года назад вдохов было двадцать три.

Когда взрослые спрашивали, как зовут его кита, мальчик отвечал: «Моби Дик». Некоторые взрослые удивлялись: «Ты читал „Моби Дика“? А тебя случайно не Ахавом зовут?» Мальчик не читал Мелвилла, но про Ахава уже знал. Иронию взрослых он прекрасно чувствовал, но предпочитал не обижаться.

На самом деле Моби Диком кита назвал папа мальчика, у которого этот роман был в числе любимых. Он даже вытащил его из книжного шкафа и показал сыну толстую старую и довольно потрепанную книгу, на обложке которой было написано «МОБИ ДИК». Мальчик попросил рассказать папу, про что это книга, и отец сказал: «Про одного гениального белого кита, по имени Моби Дик, и про одного гениального капитана, по имени Ахав, который охотился на этого кита». «У тебя даже киты гениальные», – сказал мальчик. «Почему бы нет? –

искренне удивился папа и с легкой грустью добавил: – Мы знаем о них очень мало... Катастрофически мало...»

После того как ему подарили кита, мальчик захотел узнать о них все что можно. Сначала была детская энциклопедия с картинками и передача «В мире животных». Чуть позже, когда он пошел вместе с папой к своей бабушке, он увидел в стенном шкафу со стеклянными дверцами пятьдесят два толстых темно-синих тома Большой Советской Энциклопедии. Том с буквой «К» был на второй полке сверху. Пришлось встать на шаткий стул и, качаясь, рискуя грохнуться, с трудом вытащить тяжеленный кирпич, пахнущий старой бумагой и временем.

В середине тома было несколько страниц с цветными иллюстрациями. Мальчик долго смотрел на фотографии разных китов, а потом, низко склонившись над книгой, начал читать статью о них. В этот момент в комнату зашел папин младший брат, который жил с бабушкой. Дядя удивленно посмотрел на мальчика, перевел взгляд на открытую страницу, улыбнулся и одобрительно хмыкнул. От него сильно пахло водкой, но мальчик уже привык, что от него почти всегда так пахнет. «Да-а, – задумчиво произнес дядя, – киты, они такие...» Мальчик молча посмотрел на дядю, хотел спросить, какие киты такие, но так и не решился. «Ну ладно, читай, читай, не буду тебе мешать», – дядя тихонько похлопал мальчика по плечу, взял из тумбочки три рубля и чуть ли не на цыпочках вышел из комнаты. Мальчик испытывал к нему какое-то особое чувство теплоты и нежности, словно он, дядя, сам еще был ребенком, которого надо оберегать и защищать.

Еще в жизни мальчика была Ребекка Марковна, пожилая врачиха-аллерголог с короткими седыми волосами и пальцами, распухшими от артрита. Когда мальчик приходил к ней вместе с мамой, она всегда встречала его вопросом: «Ну, что нового у нашего кита?» Затем следовало прикосновение холодного стетоскопа к спине и грудной клетке. «Дыши, не дыши... Хорошо. Еще немного есть хрипы, поэтому с гистоглобулином пока повременим».

Мальчик сидел на кушетке, правая рука на ките, и задумчиво смотрел, как за окном кабинета качает весенней веткой знакомый каштан. Чуть дальше, за крышами больничных корпусов, виднелась верхушка водонапорной башни. А еще через приоткрытое окно доносились короткие резкие гудки тепловозов – рядом был вокзал.

Обычно мальчик не слушал скучного разговора мамы с Ребеккой Марковной о лекарствах и диете, он думал о чем-то своем, но в этот раз до его слуха донеслись новые слова. «Хорошо бы Вам летом выбраться на море. Хорошая закалка на весь год...» – сказала Ребекка Марковна, протягивая листок бумаги с назначениями: ровный прямой почерк, буквы, звучащие в унисон друг с другом.

Глаза у мамы сразу стали почему-то грустными, она кивнула головой и сказала, что подумает, хотя знала заранее, что в этом году никакого моря не предвидится.

Мальчик любил приходить в этот чистый, аскетично обставленный кабинет, где пахло уколами, спиртом и чем-то еще непонятным, но приятным. Он любил Ребекку Марковну за ее спокойную, неторопливую речь, за ее теплые руки и внимательные серые глаза. А еще за то, что именно благодаря ей в его жизни два года назад появился кит.

Хотя, если вдуматься, у мальчика было много причин не любить ее. Уже во время первого посещения, когда он еще не начал ходить в школу, Ребекка Марковна составила длинный список продуктов, которые должны были надолго исчезнуть из его жизни, потому что аллергия, переходящая в астматическую реакцию... С некоторыми названиями мальчик смирился

легко, поскольку ему было все равно, и он не очень любил куриный бульон или рыбу. Но шоколад, но мандарины и апельсины!.. Но малина и прочие вкусные ягоды!..

И тем не менее мальчик любил эту женщину в белоснежном накрахмаленном халате с тихим, немного скрипучим голосом. Кит возмещал ему все потери с лихвой. И он чувствовал тайную солидарность с ним, потому что ему, киту, тоже нельзя было кушать все эти вещи. Так сказала Ребекка Марковна. Она даже добавила, что мальчик должен поддерживать кита, потому что ему сложно жить в мире, где нельзя есть столько вкусностей.

А кит будет поддерживать мальчика, когда ему станет трудно дышать. Да-да, кит будет учить его дышать. Спокойно, ровно, не нервничая... «Сейчас все пройдет, не волнуйся. Ты же знаешь, что иногда это бывает. Вот уже и окно нам открыли, видишь? Свежий воздух, такой прохладный, влажный после дождя. А в океане мне тоже иногда не хватает воздуха. Тогда я вынырываю на поверхность и дышу полной грудью. Представь, что ты сейчас тоже под водой, но мы уже всплываем с тобой наверх. Осталось совсем немного, потерпи, мой хороший...» – так говорил ему кит, и так говорила ему мама, и мальчик слушал их и терпеливо ждал, когда пройдет приступ, и они вынырнут на поверхность.

Они вышли из кабинета, сопровождаемые недовольными взглядами очереди, и пошли в больничную аптеку. Мальчик в этот раз не стал задавать никаких вопросов, почувствовав настроение мамы.

Навстречу прошла женщина с девочкой лет шести, и та с интересом посмотрела на кита. Мальчик улыбнулся: он гордился своим китом, он знал, что у него самый красивый и умный кит в мире.

Школьные тетради мальчика были разрисованы китами, и в классе он получил прозвище Китенок. Все его близкие и друзья были уверены, что он станет океанологом и будет изучать жизнь китов. И сам мальчик так думал, рисуя очередного кита в тетради по геометрии.

Город молчал...

Пустыня наступала постепенно, но с каждым годом все сильнее сжимала свое кольцо вокруг города. На окраинах она уже хозяйничала полностью. Пустые здания утопали в песке, песок брал их за горло, проникал в квартиры многоэтажек, заполняя их своей непреодолимой текучестью. Песок был вездесущ и непобедим. Люди переселялись ближе к центру, занимая дома тех, кто успел уехать. Но и в центре песок все чаще напоминал о себе. Каждое утро все подоконники снаружи были покрыты тонким его слоем, он проникал даже через плотно закрытые окна и появлялся на мебели, полу, страницах книг, на продуктах в шкафу, тщательно обернутых полиэтиленовой пленкой.

Песок всё чаще скрипел на зубах и попадал в глаза, вызывая острое раздражение или боль. Люди пытались бороться пустыней, но силы были неравны. И они знали, что город обречен. Его превращение в пустыню было делом времени, которое, конечно, было на стороне песка, как одной из лучших своих метафор.

...Океанологом Игорь так и не стал. Он стал филологом и переводчиком, специалистом по американской литературе. А еще он стал Игорем Кирилловичем, кандидатом наук, автором многих публикаций, преподавателем в университете. Много поездок и два неудачных брака позади, впереди, на горизонте, какие-то каменистые островки, крики чаек и почти израсходованные запасы пресной воды на борту.

Впрочем, китов он все-таки не бросил, решив сделать новый перевод знаменитого романа Мелвилла. Но Моби Дик не давался и постоянно уплывал в недостижимые глубины, как и положено настоящему киту. Работа затянулась на годы, а потом Игорь и вовсе отложил ее до «луч-

ших времен», в чье наступление, впрочем, мало верил. Потому что все вокруг стремительно теряло смысл, облетало, как осенние листья, оставались лишь голые ветки скудных достижений, которые тянулись из прошлого в будущее и одновременно боялись его. Только уплывающий белый кит был бессмертен, словно белый лист бумаги, точнее, образ этого листа, оставшийся прямоугольным белым пятном на географической карте вечности.

Игорь сидел у окна, курил и смотрел на улицу. А там после долгого осеннего дождя было серо, мокро и скучно. Мимо мусорки, опираясь на палку и оставляя следы на мокром песке, медленно шла Роза Михайловна, старушка из соседнего подъезда. Когда-то Игорь ходил с ее сыном Гошей в зоопарк, где они долго стояли возле террариума с ящерицами, выжидая их молниеносные короткие движения. Иногда ждать приходилось долго, но терпение всегда вознаграждалось.

Игорь перевел взгляд на дневник. Каждая запись в нем была обращена к одному человеку. Это было похоже на письмо, которое никогда не будет отправлено, потому что адресат давно пребывает в глубинах, недостижимых ни для одного послания, кроме разве что мысленного.

В детстве, когда у него был надувной кит, Игорь мечтал увидеть кита настоящего. Мечта долго не сбывалась, а потом неожиданно сбылась, оставив долгое послевкусие горечи и саднящую боль в сердце. Он поехал на очередную конференцию по Мелвиллу на острова одного нового государства, и организаторы на второй день повезли их на берег океана, где лежали восемь огромных китов, выбросившихся на берег. Все были мертвы. Впрочем, один кит, кажется, еще с трудом дышал. Игорь подошел к нему совсем близко. Из рта вырывался чуть слышный хриловатый свист. Дыши, не дыши... Дыши. Игорь побежал к местным специалистам: «Вон тот еще живой, может, можно его затащить обратно в воду?» Но они почему-то лишь грустно качали головами и говорили, что слишком поздно и что это не так просто сделать: надо подгонять несколько шхун, брать кита на прицеп и прочее, и прочее.

Дыши, не дыши... Дыши...

Когда их привезли обратно в отель, Игорь собрал вещи и уехал, отменив свой доклад и сухо попрощавшись с недоумевающими коллегами.

Игорь перелистал дневник. Вот запись пятилетней давности.

«...А вчерашнее мероприятие по открытию памятника дереву, на которое меня пригласили, достойно пера Гоголя или Кафки... Видел бы ты эти лица, эти застывшие фигуры, напоминавшие наспех высеченные скульптуры, уродливые, страшные, с искаженными пропорциями... Шемякин нервно курит в сторонке...»

Он смотрел в окно, вспоминал и думал о своих отношениях с родным городом. Какая-то банальная любовь-ненависть, отчуждение, усталость, невозможность понять происходящее и забыть то, что уже произошло несколько лет назад, когда город охватила странная ментальная эпидемия, всеобщее помешательство, не оставившее шансов никому.

Вдруг всеми горожанами овладело непонятное и непреодолимое желание расправиться с городскими деревьями. Пилы стали самым востребованным инструментом и шли нарасхват. Никто не остался в стороне, работали все от мала до велика. И убеленные сединами старики, и юноши со взором горящим. И отчаянные домохозяйки, и отчаявшиеся дамы бальзаковского

возраста, и прекраснокудрые девы с модельной фигурой и ангельскими личиками. Все как один пилили, рубили, распиливали бревна на дрова, корчевали пни и даже асфальтировали парки, дабы не осталось никаких напоминаний. Так продолжалось несколько месяцев. Все были счастливы от участия в общем великом деле. Все были на подъеме, и любовь к городу, зарастающему тюремной щетиной серого асфальта, была искренней и высокой.

А потом вдруг эпидемия прошла так же внезапно, как началась. Однажды утром люди проснулись и поймали себя на мысли, что им больше не хочется спиливать деревья и корчевать пни. Горожане вспомнили о том, что было еще вчера, и их охватил ужас. Многие, не успев позавтракать, выскочили на улицу и увидели, что в городе не осталось ни одного дерева. Впрочем, каким-то непостижимым, чудесным образом одно дерево все-таки осталось. Оно затерялось во дворе старого дома, предназначенного под снос, и только поэтому уцелело.

Его торжественно пересадили в центр, на главную площадь, но через несколько недель оно засохло. Однако самое худшее состояло в том, что и новые саженцы, срочно в больших количествах завезенные из сельской местности, тоже не приживались и засыхали на корню, словно теперь сам город заразился этим вирусом и отторгал любую растительность.

После этого и началось великое наступление пустыни. Она почувствовала, что последние преграды на ее пути устранены, и начала захватывать город.

...А то случайно уцелевшее, а потом засохшее дерево сохранили, и лучший скульптор города создал его бронзовую копию в масштабе один к одному. Памятник самому стойкому дереву, памятник всем погибшим деревьям, памятник неумирающему безумию человека...

Игорю повезло: он в те месяцы был в Штатах, на годовом гранте. Но когда вернулся, долго не мог поверить, что увиденное им не страшный сон, а новая реальность, в которой предстояло как-то жить. Или делать вид, что живешь.

Шепоты заполняли город. Шепоты и песок. Дыши, не дыши... Первое становилось делать все труднее, второе было привычным, но тоже непростым делом. Уходи под воду, углубляйся в свои кабинетные мысли, пиши, не дыши, окружи себя книгами, из которых уже сыплется песок, закрой окна, двери, ставни, все странички в интернете и даже почтовый ящик. Иногда это удавалось. Правда, ненадолго.

Игорь знал, что когда-нибудь, когда дышать станет совсем трудно, как бывало в детстве во время приступов, он выбросится на берег. Он относился к этому спокойно, потому что всегда помнил про того кита, который был еще жив и смотрел на него огромным глазом, и в нем читалось не столько страдание, сколько непонимание. Отказ понимать происходящее в мире.

Игорь перевел взгляд на книжные полки. Сколько исследований, монографий, статей, докладов и смелых гипотез было написано, опубликовано и высказано за 175 лет, прошедшие со дня публикации «Моби Дика». А он и ныне там, в глубинах подсознания, среди самых глубоких метафор, ускользающих от логики, от анализа, от слов... И кто из ученых, посвятивших почти всю жизнь изучению великого романа, может сказать положив руку на сердце, что прожил ее не зря? Моби Дик победил на страницах книги и продолжает побеждать до сих пор.

Может, надо было все-таки стать океанологом? Бороздить океаны, опускаться в батискафе в темные глубины, общаться с рыбами, дружить с любимыми китами и дельфинами. В этом было бы намного больше подлинной свободы. И всегда, всегда дышалось бы легко, потому что морской воздух, потому что пространство, потому что океаны...

Сигарета потухла, на дне кружки с чаем тонким слоем лежал песок, и тихое тиканье часов казалось беспощадно громким, заполняя весь дом.

Игорь взял ручку и написал в дневнике: «Я бы хотел, чтобы город стал китом и рассказал мне историю своего спасения. Город, ты ведь когда-нибудь станешь китом, правда?»

Каждый день Игорь задавал городу этот вопрос. И каждый день ждал ответа. Дыши – не дыши...

Но город молчал...

Наступал вечер...

...И в окнах больницы отражались лучи красного летнего заката. Старик сидел в больничном дворике на скамейке, смотрел слезящимися глазами на старый двухэтажный корпус и рассказывал мальчику о китах. Мальчик слушал внимательно и задумчиво, не перебивал, не задавал вопросов. Он не думал о предстоящей операции, точнее, не волновался. Так велела мама. Она сказала, что и думать нечего, что все будет хорошо, потому что доктор очень опытный, и мальчик просто уснет, а потом проснется, и все будет уже сделано. И даже больно не будет. Ну, может, совсем чуть-чуть.

Несколько дней назад он оказался в больнице, познакомился с этим странным стариком, и они почему-то сразу подружились.

Старика звали Игорем Кирилловичем, он знал все на свете и помнил наизусть много стихов. А еще он умел сочинять сказки.

– Пойдем-ка в палату, становится прохладно, – сказал старик.

Они встали со скамейки и пошли по направлению к корпусу. А навстречу им прошла большая бригада дворников с мощными метлами. Наступал очередной час борьбы с песком, и им предстояло подмести все больничные дорожки и прилегающую к корпусам территорию.

– А что вам снится по ночам? – спросил мальчик. – Наверное, киты?

– И киты тоже, но очень редко...

– Жаль.

– И мне жаль, но ведь им не прикажешь. Плавают где хотят.

– А почему они выбрасываются на берег?

– Не знаю, Игорь. Наверное, потому что устают.

– Разве киты могут устать?

– Еще как могут. Ты даже не представляешь как.

Они постучали ногами по железной решетке у входа, стряхивая с обуви налипший песок, и зашли в корпус. В холле в глубоком кресле сидел главный врач и задумчиво смотрел на аквариум.

– Гуляли? – спросил врач у мальчика.

– Гуляли, – ответил за него старик. Главврач сделал вид, что не услышал ответа. Ему было запрещено разговаривать с этим стариком. И на самом деле врач его немного побаивался.

Игорь Кириллович и мальчик поднялись на второй этаж. Мальчик проводил старика до палаты.

– Зайди ко мне завтра утром, я тебе кое-что подарю. Ведь у тебя завтра день рождения, да?

- Да, – ответил мальчик, – день варенья. А вам не скучно одному в палате?
- Что ты, совсем нет, скорее, наоборот. Приходи часиков в 9 после процедур.
- Процедуры... Опять будут укол делать, так надоело!
- Ну что ж, потерпи. Зато потом будешь здоровым, как...
- Как кто? Вы хотели сказать, здоровым, как кит?
- Наверное, – старик вдруг о чем-то задумался и забыл про мальчика.
- Ладно, до завтра. Спокойной ночи. Если что-то интересное приснится, не забудьте записать!
- Обязательно, тетка, – ответил Игорь Кириллович.

Мальчик прошел в свою палату в конце коридора, где его уже ждала мама, лег на кровать и накрылся одеялом.

- Ну, как ты?
- Хорошо. Ты принесла книжку, которую я просил?
- «Моби Дика»? Принесла.
- Почитаешь?

Мама открыла первую страницу и начала читать: «Зовите меня Измаил».

Мальчик слушал и смотрел в окно на закатное небо, по которому плыли облака. Теперь ему казалось, что каждое облако было немного похоже на кита. Он перевел взгляд на маму. Ее лицо было усталым и осунувшимся.

- Мама, а ты видела живого кита?
- Нет, дружок, не видела... – она отложила книгу и взяла сына за руку. – Может, хочешь спать?
- Нет, почитай еще, пожалуйста. Мне нравится эта книжка...
- На следующее утро мальчик решил зайти к старику до процедур и до завтрака. Уж очень ему не терпелось получить подарок.
- Игорь, только, пожалуйста, недолго, – сказала мама.

Мальчик приоткрыл дверь палаты. Старика на кровати не было, а на соседней койке лежал большой надувной кит и смотрел на мальчика нарисованными черным маркером глазами.

- Игорь Кириллович, вы где?..

Фатима ДЖАЛАЛОВА СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Морщинистые пальцы с трепетом перелистывают страницы запывлившегося дневника. Наткнувшись на черно-белое фото, пальцы судорожно сжимают его и подносят к близоруким глазам. С потрепанной картонки глядят четыре пары искрящихся радостью глаз: выставяющий напоказ большой улов коренастый мужчина, ногу которого обхватили две пухленькие ручки маленького мальчика, за ним – крупная девочка с множеством мелких косичек, плечи которой нежно обхвачены руками невысокой женщины; на заднем фоне толпятся грузчики, рыбаки; берег усеян лодками и пароходами, а за ними простирается море и где-то вдалеке сливается с небом. Пальцы медленно переворачивают фотографию, и глаза с трудом читают сквозь пелену выступивших слёз:

«5-ое мая, 1968 год.

Мы с семьёй вернулись с рыбалки. Дети так быстро растут! Осману недавно исполнилось 3 года, а Айгуль уже 5. Надеюсь, что Осман продолжит моё ремесло. Уговариваю Зухру родить ещё одного».

Упавшая слеза размывает чернила, и пальцы поспешно вытирают глаза. Пересохшие губы дрожат. Пальцы левой руки хватаются за ручку и, найдя пустую страницу в дневнике, начинают писать:

«Умейте находить повод для радости.

Проживая самые счастливые дни своей жизни, я не осознавал своего везения, продолжая строить планы на будущее и мечтать о лучшем. Только теперь я понимаю, что выезды на природу с семьёй в выходные после тяжёлой, но плодотворной рабочей недели – вот, что было для меня настоящим счастьем.

Теперь, спустя 25 лет, я прикован к постели. Единственное, что скрашивает жизнь, – это вечера, когда вы заходите ко мне с внуками. Я бы хотел иметь силы играть с ними, рассказывать истории, обучать чему-нибудь, чтобы они запомнили своего дедушку. Но проклятая болезнь не отстает, и мне больно от мысли, что не увижу, как они пойдут в школу, не похвалю за первую пятёрку...

Когда рыболовный промысел начал угасать, я думал, это худшее, что могло со мной случиться. Вода в Арале с каждой неделей опускалась всё ниже, уменьшалось количество

пойманной рыбы. Первое было следствием эгоистичной политики государства, озабоченного лишь темпами роста экономики, без учета рисков для природы, второе – следствием истощения морской жизни из-за высокой концентрации соли. Рыбоконсервные заводы начали закрываться, а за ними опустели и дома: люди спешно покидали край. Мне же, прожившему всю жизнь в Муйнаке, некуда было бежать, да и в душе теплилась надежда, что это временно, стоит лишь немного потерпеть. В день удавалось поймать лишь две-три рыбы, и самым страшным для меня стало возвращение домой к грустной улыбке беременной Зухры и к вашим похудевшим личикам, потому что питались мы только рыбой. Тысячи семей неожиданно испытали на себе ужасы недостатка питьевой воды и пытки голода. Неизвестность и бездействие потихоньку ломали людей, всю жизнь зарабатывающих рыбным промыслом и отказывающихся верить в суровые предсказания.

Вскоре я получил следующий удар, в самое сердце: истощённая недоеданием, Зухра умерла во время родов.

Но мальши Тохир выжил. В тот день, выйдя из роддома с болью в груди, я прошёл к морю и впервые трезво оценил, что происходит с моей родиной и моей жизнью. Взору открылся пустынный берег, покрытый толстым слоем соли, оставленной отошедшим Аралом. Шагая к лодке, я чувствовал, как соль, поднятая ветром, ударяла мне в лицо, как она проникала в меня с каждым вдохом. Я сел в лодку, чувствуя ковер соли под подошвами ботинок. Когда я смотрел вдаль, где море сливалось с горизонтом, мне на мгновение почудилось, что я слышу смех людей на набережной, гудки отчаливающих пароходов, гулкий звук моторов... Но на самом деле меня окружала давящая тишина, временами прерываемая криками чаек. Я с горечью осознавал, что это моя жизнь и что былую жизнь не вернёшь.

Из лодки я вылез другим человеком и твёрдой поступью направился в сторону роддома. Мои чувства не выдержали нагрузки и отключились. Единственная мысль врезалась в сознание: «Двое подростков и новорождённый – смысл моей жизни, – погибнут, если я, убитый горем, опущу руки. Сломаться легче, чем спасти ситуацию. Пусть будет тяжело, но я буду трудиться изо всех сил».

Вернувшись в роддом, я застал врача, что принимала роды, у кровати заснувшего младенца. Она взглянула на меня и осторожно заговорила:

– Неделю назад одна пациентка родила. Ребёнок умер, не прожив и дня. Она и её муж много лет мечтают о ребёнке, но женщина уже в зрелом возрасте, и вряд ли ей выпадет другой шанс. Они будут счастливы принять в свою семью ребёнка. Эта пара – люди воспитанные и образованные; материальное положение позволяет им вырастить ребёнка достойно. И самое главное, у женщины есть молоко...

Воцарилось длительное молчание. Моим первым порывом было проигнорировать смелое предположение врача, что я отдам своего сына в чужие руки. «Я смогу вырастить Тохира, – думал я, представляя, как укладываю его спать, кормлю... – Материнское молоко... да, малышу придётся испытать лишения, но я буду покупать ему коровье... А на какие деньги? – вдруг спросил я себя. – Ведь успевать ухаживать за малышом и работать – дело немыслимое. Старшие скоро окончат школу, им тоже нужны моя поддержка и внимание...» Казалось, я задохнусь от душивших меня мыслей. Я отчаянно не желал признавать, что не смогу поднять ребёнка один, что не смогу создать ему необходимые условия. Врач всё это время сидела тихо и, видимо, понимала меня. Я долго глядел на Тохира: маленький, бледный, он был очень похож на Зухру. Чувство, овладевшее мною в лодке, возникло вновь, но я вдруг вспомнил о своём обещании. Мысли прояснились и, не отводя взгляда от Тохира, я хрипло промолвил:

– Мне надо познакомиться с этими людьми, прежде чем я приму решение.

По лицу врача пробежало сомнение, но голос звучал твердо, когда она ответила:

– Меня зовут Айжан, – я резко впился ей в глаза, только теперь заметив красноту её глаз и морщины под ними, и услышал её прерывистое дыхание. Она продолжала: – Моего

мужа зовут Едиге. Я обещаю, что мы будем растить вашего сына как родного и поддерживать с вами связь. Правда, должна сразу предупредить: скоро мы уезжаем к родственникам в Нукус, мужу предложили работу на заводе.

Я нервно глотнул воздуха, прежде чем ответить:

– Я бы хотел познакомиться с вашим мужем как можно скорее. Душа моя желает хоть немного побыть с Тохиром, но я знаю, что после этого не смогу с ним расстаться, да и дети... как я посмотрю им в глаза и скажу, что мы отдаём мальшиа, что отец не имеет возможности растить всех троих. Нет, будет лучше решить всё сейчас.

В тот момент, когда Едиге переступил порог палаты, я почувствовал себя так, будто оказался в совершенно чужой жизни, будто смотрел на события со стороны, как в фильме. Руки сами протянулись для пожатия, а губы промолвили несколько вежливых слов. Всё же я чувствовал, как от этой пары исходит доброта, видел, как огоньки света горят в этих глазах. Подняв Тохира на руки, я сказал:

– Только, пожалуйста, оставьте ему имя – Тохир. Это было последнее желание моей покойной жены. Она словно знала, что он улетит из родного края, нарекая его птицей на фарси. Я верю, что когда-нибудь он прилетит, чтобы навестить нас. Живи счастливо и дари радость своим близким, Тохир!

С этими словами, я переложил сына на руки Едиге. Айжан заверила, что они будут держать меня в курсе событий в жизни Тохира. Распроцавившись, я двинулся домой. Подойдя к двери, машинально вставил ключ в замочную скважину. Щелчок открывшейся двери заставил очнуться и осознать, что только что произошло. Не закрыв дверь, я бросился бежать в сторону дома Едиге. Но навстречу попались вы, с тяжёлыми рюкзаками и недоумевающими лицами. Опомившись, я крепко обнял вас. Впервые за день дал волю слезам. Я рассказал вам тогда лишь часть истории о вашей матери... Моя вина, что не рассказал всю правду. Простите меня.

Как мы жили дальше, вам известно: я кочевал с одной работы на другую, вы учились и одновременно пытались подработать. От Айжан регулярно приходили письма, порой даже с фотографиями. Тохир подрос и окреп, в линии губ и взгляде улавливались черты Зухры. Я был рад, что Тохир живёт хорошо, что Едиге и Айжан счастливы, но в глубине души не переставал винить себя за то, что согласился его отпустить.

В юности казалось, что любящий и трудолюбивый человек всегда будет жить в счастье и достатке. Но жизнь быстро развеяла эти мечтания. До тех пор пока рыболовное ремесло, которому я, да и тысячи жителей Муйнака, отдали свою молодость, не погибло вместе с Аралом, я даже не осознавал, какую роль в жизни играет природа. Начались песчаные бури, поднимавшие не только всю соль с земли, но и ядовитые вещества с острова Возрождения. Отравы попадала в воду, убивая рыбу. Одной подписью об использовании вод Арала для орошения полей джентльмены в отглаженных костюмах, сидящие с серьёзными лицами в прохладном зале, превратили Аральское море из источника жизни в смертельное оружие, убивающее тело и души жителей. Жители, не имеющие иного дома, начавшие болеть, худеть, оказались забыты миром, озабоченным повышением темпов развития экономики любой ценой.

Когда-то отец с блеском в глазах рассказывал мне о зелёных бухтах и резвых сайгаках острова Возрождения, превращённого в военный объект. Было очень грустно, что я не застал этой красоты. Однако даже в голову не приходило, что грядёт разрушение ещё большее и что я сам буду рассказывать новому поколению о былых днях, когда жизнь кипела в полномоводном Арале и по берегам Арала жили крепкие, здоровые, уверенные в своем будущем люди. Когда дома меня встречали улыбка Зухры и ваш смех, я мгновенно забывал о неприятностях на работе.

Но я благодарен судьбе, что у меня есть вы, что у вас есть семьи, что вы заботитесь обо мне. Это даёт повод радоваться. Однако одолевают переживания о будущем: что ста-

нет с нашим краем, сможете ли вы тут жить? Я одобряю ваше желание посвятить жизнь возрождению края, но боюсь, как бы это не подвергло опасности ваши семьи, ваше здоровье, ваши жизни. Я считал, что болезни, распространяющиеся по региону, меня обойдут стороной, но как же я ошибался! Учитесь на моих ошибках и берегите себя! А родному краю вы сможете помочь даже издали, рассказывая миру о проблеме. Возможно, тогда государство начнёт, наконец, предпринимать что-то для изменения условий жизни края, а весь мир, узнав о катастрофе, будет задумываться о последствиях своих действий. Вы можете также снять копии с работ Рафаэля Матевосяна, который запечатлел Арал в разные годы. Увидев его картины, я восхитился тем, как искусство может поднять острую проблему. Так что открывайте свои переживания миру!

Если Тохир когда-нибудь найдёт вас, покажите ему это письмо и передайте, что я люблю его и надеюсь на прощение. Знаю, что вы почувствуете в нём родную кровь и примете участие в его жизни.

Горжусь вами, дети! Живите счастливо!

Любящий вас отец»

Дрожащие пальцы аккуратно вырвали страницы из дневника и положили их в конверт вместе с черно-белой фотографией. Затем, с любовью выводя каждую букву, подписали конверт: «Моим детям».

Рассказывали, как через несколько лет приятный молодой человек приезжал искать свои корни. Айгуль и Осман рассказали ему о смерти отца и отдали письмо. После прочтения он долго бродил по пескам в одиночестве и уехал в тот же день, успев снять копии с картин Рафаэля Матевосяна.

Спустя недели, он вернулся с группой джентльменов в отглаженных костюмах. Пройдясь по окрестностям и пообщавшись с жителями, они уехали.

Спустя полгода, он вернулся в сопровождении грузовиков, нагруженных баллонами с водой, свежими фруктами, овощами, вакцинами, лекарствами и тёплой одеждой, и автобусами, на которых ехали врачи и опытные фермеры.

Айгуль и Осману, да и остальным жителям стало легче находить повод для радости.

А приятный молодой человек поселился в доме покойного отца – на той земле, где родился.

Анита ЭЛИВ ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

Нукус встречает гостей скучно: перед нами развороченный неоконченным ремонтом проезд к аэропорту, по которому мы, спотыкаясь, тащим наши чемоданы.

До отеля рукой подать, здесь все близко – в «шаговой доступности», как сказала бы моя коллега Птица. Она впервые в Нукусе и осматривается вокруг немного настороженно, но с большим интересом. Конечно, ее зовут вовсе не Птица, но это прозвище ей подходит – веселая, увлекающаяся оптимистка, незыблемо верящая в огромны запасы Добра и Радости, запрятанные в дебрях Вселенной. А вот Философ совсем другой, его оптимистом не назовешь. С улыбкой смотрю, как он подталкивает ногой свой чемодан, не слишком интересуясь происходящим вокруг, в полной убежденности, что делает миру огромное одолжение, приехав сюда просто полюбоваться степью.

– Чего ты улыбаешься? – сердито вопрошает он. – Надеюсь, нас хоть встретят? Или придется самим до гостиницы тащиться?

– Успокойся, – в толпе встречающих выхватываю знакомое лицо. – Вон Гуля идет.

Гуля радостно улыбается и сразу пытается выхватить из моих рук чемодан.

– Давайте помогу.

Затем следует привычный обмен ненужной информацией об общих друзьях-знакомых, в основном болтает говорливая Птица, а я пока молча привыкаю к Нукусу.

Такое впечатление, что этот город – гость. Вроде давно стоит на одном месте, но не обжился, не оброс уютом. И сам понимает, что он только в гостях у старухи-степи и его в любой момент могут попросить удалиться. Может, поэтому все вокруг какое-то неосновательное, построено без размаха и без намерения «жить долго и счастливо». Город бывших кочевников не торопится вращать глубоко в землю и не тратит лишних усилий на красоту.

При виде облупленного здания гостиницы Философ бурчит что-то под нос, а веселая Птица все еще купается в волнах своего оптимизма.

– Ничего страшного, это же всего на три дня.

– Все нормально, – успокаиваю я Гулю. – Не переживай, мы ко всему привычные.

Теперь очередь Нукуса нас рассматривать: приступаем к работе. В отличие от Арала, море работы никогда не засохнет, и в его водоворотах легко забыть, где ты находишься. После дня глубокого погружения, выныриваем вечером, утомленные и разбитые, и сразу цепляемся усталыми взглядами за Гулю – скорее бы она вытянула держащие нас якоря утомительной работы и повезла ужинать.

Пока едем в кафе, оживившаяся Птица без умолку болтает о засыхающем Арале, о намерениях его возродить, об общественной деятельности по проблеме Арала. Гуля слушает вежливо, но заметно, что эта болтовня не вызывает в ней особого волнения. О проблеме Арала она знает получше щебечущей Птицы, ведь она живет здесь, в так называемой «зоне экологической катастрофы». Эти неприятные слова – экологическая катастрофа – тесно связаны с ее жизнью и стали обыденностью. А для Птицы это пока еще волнующее ощущение. Она невероятно взбодорена собственной смелостью: ну как же, приехала в зону катастрофы – и даже немного расстроена тем, что здесь нет явных «киношных» признаков вымирания. Мы, люди, любим зрелища. И даже факт наличия какой-то катастрофы поблизости не столько пугает, сколько завораживает. А тут на поверку все выходит как-то слишком просто и тускло. «Катастрофически» скучно для приезжего и «катастрофически» обыденно для местного жителя.

Послушав еще немного, Гуля пытается свести все к шутке.

– Говорят, если каждый из Ташкента приедет сюда с ведром воды, Арал наполнится.

Философ фыркает.

– Гораздо интересней научить людей пить песок вместо воды. Довольно глупо ставить человечество в зависимость от конечных ресурсов.

– А разве песок бесконечный ресурс? – я улыбаюсь, в то время как Птица озадаченно хлопает ресницами. – Он ведь тоже может кончиться!

– Ну, все же вода кончится быстрее песка, – Философ подмигивает мне: – А представь, что в скором будущем люди будут носить кольца с каплей воды вместо бриллиантов. Ведь вода станет драгоценностью, стоимость которой невозможно себе вообразить.

– Приехали, – Гуля тактично покашливает, призывая нас прекратить бесполезный разговор и выгружаться из машины.

Город, может, и неуютный, но своих гостей не обижает. Он щедрый кочевник, и для него накормить пришедшего в степь гостя – дело чести. На столе изумительно вкусная рыба, поджаристая, нарезанная огромными жирными ломтями, а рядом бешбармак с индейкой, и все это огромными щедрыми порциями.

– Вот все говорят, что у нас экологическая катастрофа. Но рыба пока есть, хотя и не из Арала, – Гуля довольно смеется, радуясь, что хотя бы сейчас может представить родной город в хорошем свете. – И Нукус растет с каждым годом, стройки новые затеваются. Да и про Арал стали много говорить, может, что-то изменится. В Казахстане Малый Арал наполнили, и у нас, говорят, можно...

– Говорить – не делать, – многозначительно замечает Философ, тыча вилкой в индюшатику. – Хотя... вы вон с Птицей об этом поговорите, она это любит.

– Да, люблю, – встрепенулась Птица. – Я представитель общественного движения за спасение Арала.

– И это движение постоянно движется из ресторана в этот... как его... коворкинг и обратно, – подхватывает Философ. – А до Арала никак не доползет.

– Почему не доползет? Я же вот приехала, – выпаливает Птица.

– Ну вот и хорошо, что приехали, – Гуля вступает в разговор, игнорируя ответную ухмылку Философа, и тактично меняет тему: – Давайте я вас завтра в музей отвезу, если будет время.

Гуля относится к Птице и Философу как к детям, которые пытаются обсуждать взрослые дела. Сама она, конечно, прекрасно понимает, что никто из нас не знает и пятой части проблем

Приаралья, но не собирается разочаровывать гостей. Наверно, кочевые корни сильны в местных людях, и они не слишком рассчитывают на приезжих, все больше на себя. А приезжие... что с них взять? Как приехали, так и уедут, лишь бы были довольны.

Следующий день прямо с раннего утра накрывает нас жарой. Философ пыхтит, но старается не обращать на жару внимания, а в глазах маленькой Птицы уже отчетливо видна тоска по любимой столице. Они оба устали, и в ответ на предложение сходить после работы в музей имени Савицкого, молча вяло пьют воду, с ужасом представляя выход в уличное пекло. Приходится брать инициативу в свои руки.

– Вы тут отдышитесь, ребята, и берите такси в музей, – подхватываю свою сумку. – А я пройдусь.

Друзья не успевают возразить, и я выхожу, провожаемая равнодушным взглядом не улыбочивого администратора.

Почему-то у здешних людей редки улыбки. А может, мне просто кажется, что они мало улыбаются, и на самом деле это я не нахожу здесь повода для радости? Город мал и сер, в нем нет ничего, что могло бы сравниться с шумной жизнью Ташкента, или великолепием Самарканда и Бухары, или жизнерадостностью Ферганской долины. Дома приземисты и просты, а прямо перед ними валяются сломанные дорожные блоки, как останки игрушек каких-то великанов. Возможно, если их не трогать и позволить погрузиться в нескончаемый песок, то лет через сто их бережно выкопают археологи будущего и выставят в прохладных музейных залах. Как образец унылой архитектуры начала XXI века.

Да, здесь совсем другой мир, другая планета. И люди здесь пребывают в спокойной сонной безысходности, к которой они давно привыкли.

В музее имени Савицкого куча ребятни, и все, возбужденно переговариваясь, передвигаются от экспоната к экспонату – видимо, пришли с учителями на экскурсию. Занятно наблюдать, как малыши тычутся любопытными носиками в холодное стекло, за которым находится склеенная ваза. Может, они мысленно представляют себе, чьи руки прикасались к этому предмету много веков назад. А может им просто смешно, что взрослые придают такое значение каким-то старым черепкам, которыми уже и пользоваться нельзя. Глаза у всех быстрые, веселые, озорные, в них нет никаких признаков катастрофы и неизбежности.

– Не туда смотришь, – шепчет подошедший Философ, – картины в другой стороне.

– А где Птица?

Философ хмыкает:

– В гостинице решила отлежаться. Видимо, общественность не выдерживает, когда за Арал приходится бороться на такой жаре.

Сочувственно смеемся, а потом молча долго бродим по залам. И здесь совсем другая планета. Чувствую себя наполненной до краев, гуляющей в море изменчивых настроений. Руки и ноги как будто ощущают теплоту, исходящую от картин, – не спугнуть бы это чувство! Хочется погружаться все дальше и дальше, и уже нет дела до серого города вокруг, все отодвинулось далеко и стало мелким. Философ украдкой трет глаза, а потом отворачивается от картин.

– Вот так и сойдешь с ума в этом песчаном Лувре, – ворчливо говорит он, торопясь разрушить чары. – Совсем засмотрелся, еще немного, и говорить начну с этими картинами. Пошли уже, скоро музей закрывается.

Обратно идем вдвоем, и Философ уже не возражает против пешей прогулки. Видимо, музей изменил и эту часть его реальности.

– Знаешь, я договорился с таксистом, он может свозить нас завтра в Муйнак. Поедем?

– Конечно поедем!

На Птицу мы уже не надеялись, но, как ни странно, при слове «Муйнак» с нее слетела апатия, и она храбро собралась в дорогу. Может, ее успокоило наличие кондиционера и запаса воды в машине, да и ехать в общем-то недолго – часа три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.